

Роман Афонин

**ЧАС ПЕРЕД
РАССВЕТОМ**

Роман Афонин
Час перед рассветом

«Издательские решения»

Афонин Р.

Час перед рассветом / Р. Афонин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834942-3

Однажды мне довелось познакомиться с человеком, поневоле ступившим на путь мага, а спустя некоторое время в моём распоряжении оказались его дневники. Под этой обложкой собраны записи того, для кого нет границы между сном и явью, а полтергейст, выходы из тела и встречи с привидениями — неотъемлемая часть жизни, того, чья судьба неоднократно ломалась, пока он осваивал различные практики, пытаясь найти то, что помогло бы успокоить буйное сознание и обрести, наконец, гармонию с самим собой.

ISBN 978-5-44-834942-3

© Афонин Р.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Вместо предисловия	6
Тетрадь первая. Полтергейст	10
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Час перед рассветом

Роман Афонин

Фотограф Роман Евгеньевич Афонин

© Роман Афонин, 2018

© Роман Евгеньевич Афонин, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4483-4942-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Страшно? Неуютно? Но так и должно быть. Будущее создается тобою, но не для тебя
Аркадий и Борис Стругацкие

Вместо предисловия

Знаете, бывают такие моменты, когда кажется, будто всё вокруг – кадры какого-то кино, art-house, будто бы вы герой и зритель одновременно. Вот глухая промозглая серость. Из неё неясно, словно улыбка деревенского забулдыги, проступает грязный асфальт – он весь усеян белыми пломбами жвачек. Слева совершенно пунктирно обозначается карета скорой помощи (уж она-то здесь как нельзя кстати). А справа заунывно поёт жёлтый саксофон с приросшим к нему бывшим интеллигентом. Картинка статична. Но вы делаете шаг, и это всё обрушивается на вас диким дождём шума. Теперь не хватает лишь одиноко стоящей девушки с растёкшейся тушью. Или девушки, курящей через мундштук.

Но вместо этого возник Илларион или, как он предлагал себя называть, Илья. И хотя на лице его не было туши, выглядел он не менее колоритно: из-под поношенного пальто выступал белый воротничок рубашки, над ней чернела трёхдневная щетина, а лицо его, несколько угловатое и худое, как бы заострялось и вытягивалось вперёд, продолжаясь прямым и тоже острым носом, что придавало ему сходство с носом корабля.

Мне, наверное, сразу стало понятно, что день предстоит незаурядный. Уже самое появление этого человека являло собой яркое пятно на серой картинке будничного быта. И тут я ничего не мог поделать. Была какая-то доля обреченности.

– Здорово! Удачно мы с тобой встретились – мы пожали друг другу руки. А у меня как раз дело на миллион, – без всяческих прелюдий начал он. – Есть время?

Время у меня было, и мы заскочили в небольшую кафешку из серии тех забегаловок, где на пластиковых столиках стелют прожжённые скатерти, а еду подают, предварительно разогрев в микроволновке, пиво же в таких местах вдвое дороже, чем в ларьке напротив. Мы заказали две шавермы на тарелке и две «Балтики». Когда пена уже осела, а стаканы наполовину опустели, Илья вернулся к делу.

– Знаешь, я тут подумал, – продолжил он, взъерошив рукой копну тёмных волос, – мне в Питере порядком поднадоело, хочется уехать куда-нибудь подальше, сбежать от этой суеты. Побывать наедине с собой. А квартиру оставлять просто так страшно – мало ли что. Ну сам понимаешь.

– Понимаю.

– Вот я и подумал, что ты бы мог мне здесь помочь.

– погоди! То есть ты предлагаешь пожить у тебя в твоё отсутствие? Мы ж едва знакомы! – удивился я.

– Ну, парень-то ты нормальный и, мне кажется, честный. А ещё... – он засмеялся, – помнишь, когда в прошлый раз сидели у меня, я рассказывал небылицу про волков? Так вот, мне просто интересно было понаблюдать за твоей реакцией. Ты тогда повёл себя очень тактично, хотя и сразу догадался о выдумке. Это и подкупило. Короче, я тебе доверяю. Так что скажешь?

Да, зная его мнительность, «дело на миллион» казалось крайне удивительным. Но от меня требовалось только поддерживать всё в том виде, как оно есть сейчас, и своевременно оплачивать коммунальные услуги. Учитывая, что я давно уже уютился в небольшой комнатке на отшибе города, это было очень заманчиво – сэкономленные с аренды деньги мне

были бы совершенно не лишними, да и жизнь без соседей, жизнь не в комнатухе, а в целой квартире, очень привлекала.

Мы договорились встретиться через неделю, когда я, так сказать, с этим пересплю. На самом же деле думать тут было нечего – вариант замечательный, вот только смушало, что Илья готов отдать на сохранение свою квартиру едва знакомому человеку, ведь мы виделись-то с ним прежде всего несколько раз. Поэтому последующие дни я потратил, чтобы навести справки о загадочном Илларионе-Илье Меньшикове. Интернет, социальные сети и соседи мало что смогли рассказать о нём. Да по сути-то ничего. Словно бы этот человек тщательно стирал свою историю, кропотливо удаляя из жизни всё то или всех тех, кто мог что-нибудь о нём поведать. Ясно было лишь, что он одиночка, этаким степной волк, каких-либо гостей у него не бывает, поэтому меня соседи разглядывали как местное чудо. Бабушки на скамейках сразу же принялись меня обсуждать. Также я узнал, что есть у него некоторая тяга к восточной философии, и хочет он сейчас уехать позаниматься какими-то практиками. Больше ничего выяснить не удалось.

Что ж, проблемы с деньгами подтолкнули меня принять решение в пользу переезда, и, когда мы встретились ровно через неделю в том же кафе «Мандарин» в то же самое время, я дал утвердительный ответ.

– Вот и славно. Тогда будь готов переехать полностью послезавтра. У меня уже билет куплен, а тебе нужно ещё показать, как чем пользоваться в квартире.

Я решил не удивляться этой спешке и, уведомив хозяина комнаты, в которой так долго жил, быстро собрал немногочисленные вещи, заказал «ГАЗель» для перевозки своей библиотеки и весь следующий день уже провёл в хлопотах переезда. Илларион заинтересованно и увлечённо помогал мне на всех этапах. Вещи я разместил в его шкафу, а вот с библиотекой оказалось сложнее. В итоге книги стали многочисленными ровными стопками на полу у стены напротив дивана. Огромная библиотека, всё моё богатство, теперь должно было пылиться на полу. Сердце сжималось от этого. Но тут уж ничего не попишешь, пришлось смириться.

Вечером, когда суматоха улеглась, мы сидели на тех же местах, что и в первый день нашего знакомства. Всё повторялось с одной лишь разницей в том, что теперь вместо настойки Илларион разливался ароматный чай. Из кухни он выплыл с дощечкой, на которой разместились занятный чайный сервиз.

– Это настоящая исинская глина, чай стоит пить только из такой. У меня два набора – для зелёных и чёрных чаёв. Этот, где у чайника ручка сбоку, а не сзади, например, только для зелёных, – он достал из бумажного пакета какой-то сушёный продолговатый предмет. – Когуа. Это тегуанинь, только он хранится и ферментируется внутри огурца, от этого вкус получается... хм... копчёным. И эффект меняется. Этот чай расслабляет.

Он выпотрошил в чайник несколько тугих горошин из сушёного огурца, предварительно отломив крайние корки и убрав их в сторону. Илья плеснул горячей воды, сполоснул чайник изнутри и через несколько мгновений вылил в специально принесённую для этого глубокую чашу. Я молча наблюдал за неведомой церемонией. Он вновь налил воду и отставил завариваться.

– Первым делом нужно смыть всю пыль и остатки грязи, поэтому я и вылил эту воду. Кстати, никогда не заваривай чай кипятком – ты как минимум испортишь его, а то и вовсе убьёшь. Первую заварку тоже следует сливать, – он взял настоявшийся пару минут чайник и вылил жидкость насыщенного цвета в ту же чашу. – Порой нужно слить и вторую заварку, но не в этом случае.

Он снова залил чайник горячей водой и, накрыв крышечкой, убрал в сторону. Затем, поставив на стол небольшие, совсем миниатюрные чашечки и что-то вроде уменьшенного кувшинчика для молока из той же самой глины, вновь взялся за чайничек. Теперь заварившийся чай был бережно перелит в кувшинчик.

– Это называется чахай. Или, если иначе, – «справедливость». Сюда переливают чай, чтобы выровнять вкус и цвет, а также, чтобы он не перезаварился. Не дай бог тебе держать заварку с водой больше десяти минут, а уж тем более, как это принято у нас в стране, целый день, а то и два. Это кошунство!

Илья разлил ароматный золотистый чай в маленькие чашечки и одну протянул мне медленным и наполненным глубокого уважения движением руки. Он утверждал, что нужно наслаждаться каждым глотком чая, а не пить, как лошадь после забега.

– Чай, – говорил Илья, – это целая культура. Если ты хочешь познать себя, познай его культуру. В китайском обществе принято выражать почтение старшим, предлагая этот напиток. Пригласить старших родственников в ресторан на чашку чаю и заплатить за них – одно из традиционных китайских времяпрепровождений в выходные дни. А в чаошаньской традиции принято собираться с друзьями и родственниками в чайной комнате на церемонию Гунфу Ча. Во время церемонии старшие участники рассказывают младшим об обычаях, передавая им древнюю традицию.

Весь вечер мы провели за изысканными ароматными чаями и очень увлекательными рассказами о них. Оказалось, на кухне в этой квартире с три десятка различных сортов, о каждом из которых Илья мне подробно рассказал, а затем объяснил, как их заваривать и для чего какой чай стоит пить.

Спать мы легли довольно поздно, я даже и не помню, как свалился на тот диван, на котором сидел. Когда я очнулся утром, в квартире никого не было, в прихожей висела только моя куртка. Вообще ничего не выдавало ещё недавнего присутствия здесь кроме меня кого-то ещё. На некоторое время даже показалось, что я схожу с ума, и всё это выдумки больного воображения. Но на кухне была записка размашистым почерком с вензелями:

«Будь здесь как у себя. Храни этот дом в том виде, в котором он встретил тебя. Люби его, и тогда он ответит тебе добром и принесёт немало славных подарков.

И. М.»

Я усмехнулся посланию и ушёл в душ.

Месяц спустя, работая над очередным рассказом, я зачем-то вдруг потянулся к нижнему ящику стола. Ни разу туда не заглядывал, а теперь вот стало интересно. Ящик оказался заперт на замочек. Это уже интриговало. За месяц я здесь освоился и примерно стал представлять привычки прежнего хозяина, а мои познания в психологии помогли начать выстраивать портрет Иллариона, этого удивительного и загадочного человека. Итак, ключ от ящика я нашёл на маленькой полочке в навесном шкафу на кухне, где стояла чабань, доска с чайным набором. Что-то тайное и близкое сердцу этого человека явно было как минимум на уровне чая, который он так ценил и уважал. Полочка же располагалась четвертью метра выше.

Ключ с трудом провернулся в замке, и ящик, скрипя полозьями, поддался мне. Он оказался довольно глубокий, сантиметров тридцать, и весь занят различными тетрадами, блокнотами и связками бумаги формата А4. Это были дневники и рукописи. Почерк от тетради к тетради менялся, но не кардинально, всё же он оставался узнаваем. Моё сердце заколотилось быстрее и сильнее – это ведь жизнь человека, постаравшегося стереть свою историю. Никто о нём ничего не знает, а мне выпала возможность прочитать всё, так сказать, из первых рук.

Весь последующий месяц я увлечённо читал эти записи, удивляясь жизни замкнутого в себе нестандартного человека. Ещё примерно неделю пришлось потратить на сортировку всего этого добра в хронологическом порядке. Я словно из мелких стёклышек выкладывал чудесную мозаику жизни совершенно незнакомого никому человека, это превратилось в увлекательную игру, занимавшую всё моё свободное время.

Ровно через три месяца после моего неожиданного переезда в эту необычную квартиру, ставшую теперь родным домом, где-то в комнате раздалась незнакомая трель, что-то звенело.

Я насторожился. Звук шёл из ниши. Именно там, за дверцей, подвешенный к стене, находился старенький домашний телефон бледно-зелёного цвета с полупрозрачным пластиковым диском. Я опешил на мгновение, но через секунду опомнился и снял трубку.

– Да, слушаю.

– Привет. Ну что, как ты там, освоился? – сквозь треск в трубке я разобрал знакомый голос Ильи.

– О, здравствуй... Да, спасибо! Всё очень хорошо, здесь уютно. А ты как? Где ты? Чем занимаешься? Когда ты возвращаешься?

– Тише, тише, успокойся, парень. Всему своё время. Говоришь, уютно тебе? Это хорошо, значит, дом тебя принял. Скоро он начнёт помогать тебе. Не спрашивай, как. Я и сам не знаю. Просто доверься ему и следи за ним, поддерживай его в порядке, понимаешь?

– Э... да, конечно... Так когда ты во...

– Всему своё время. Успокойся. Не торопись. Скажи-ка, ты ведь уже открыл тот ящик?

– Какой?

– Не придуривайся, ты же прекрасно всё понимаешь. Открыл. Понятно. Ну что ж, наслаждайся, читай. Может, ты и вынесешь из моих бредней какие-то уроки.

Мы поговорили ещё немного. В основном он спрашивал либо что-то рассказывал серьёзным тоном, а затем вдруг поинтересовался, как у меня дела с моими рассказами. Я ответил, что не очень-то, хотя пишу понемногу, но в ЦСЛК не получил никакой поддержки, печатать там неизвестного автора не хотят, а издаваться самостоятельно – денег нет. Да и кто меня будет читать без рекламы? Десяток друзей да дюжина подписчиков в интернете. Не складывалось как-то.

– Ладно, не унывай, парень. Хотя... знаешь что? Давай-ка ты подредактируй, приведи в мало-мальски читаемый вид мои дневники и покажи это в своём Центре. Только, ради бога, не вздумай строить эти вычурные предложения с невероятным количеством витиеватых эпитетов! Я уверен, ты сможешь использовать сюжеты из дневников и сделать из этого какие-то рассказы. Кого-то такое и заинтересует.

Затем он рассказал, какие записи можно использовать, а какие нужно убрать подальше и никому никогда не показывать. Естественным условием было изменить все имена, разве что кроме его. Он напомнил, чтобы я исправно платил за коммунальные услуги и телефон, а затем пожелал мне удачи и просто повесил трубку.

С тех пор я усердно стал работать над указанными дневниками. Редактировать пришлось немного – я решил оставить как можно больше того языка, которым писал Илларион, ведь в разное время, на разных этапах жизни речь наша меняется, отражая уровень знаний, мировосприятия, отражая наши текущие ценности. Тот язык, которым мы пользуемся, несёт разгадки ко многим тайнам души человеческой, обнажает самую суть, истинную природу человека. Этот язык неповторим и чудесен, как узор папиллярных линий на кончиках пальцев. Язык – это ключ к пониманию человека.

История, которую я взялся привести здесь, кажется удивительной и фантастичной. Но, думаю, каждый увидит в ней что-то знакомое, какое-то отражение своих проблем или побед, обычную жизнь вперемешку со своеобразными приключениями. Я надеюсь лишь, что пример этого человека, решившего сначала стереть свою историю, а затем вновь её опубликовать, позволит научиться избегать каких-то ошибок в жизни, поможет научиться понимать причины наших горечей и подтолкнёт делать те важные шаги, которые мы так боимся совершить по тем или иным причинам, каждый раз находя себе оправдания.

Тетрадь первая. Полтергейст

17 октября, пятница

Стол, за которым мы сидели, давно уже опустел, и грязные тарелки, одна за другой, поочередно выстроились горой в раковине. Последнюю сизую струйку испустил в пепельнице ёжик из окурков. Короткая стрелка часов приближалась к отметке «9», и гости всё чаще поглядывали то в телефон, то на циферблат на стене. Лёшка подхватил в очередной раз бутылку, поднял её над головой и, прищурившись, посмотрел сквозь муть стекла на яркую лампу под потолком.

– Ну что, на посошок? – Не дожидаясь ответа, наш разливной на сегодня выплеснул подонки в четыре аккуратные стопки.

– Да, всё, пора уже! Спасибо, Илюх, хорошо посидели. Надо чаще так собираться. В следующий раз я готовлю. У батяка только поспрашиваю интересных рецептов.

– А что, «Колы» запить уже не осталось?

– Да закусывай – нормально!

Мы схватили с разделочной доски оставшиеся три запеченных с помидорами бутерброда, предварительно порвав почти пополам один, и я, стяхнув крошки в раковину, отставил доску к плите. «Nemiroff» на берёзовых бруньках – водка хорошая, но, как и любая другая, после п-ной стопки становится противно-несносной на вкус и мягко-одобряющей по эффекту. Именно поэтому мы так резко потянулись за закуской, а те, у кого оставалось что-то в стаканах, – за «колой» или соком.

Как и водится, прощались в дверях, обнимаясь и заваливая друг друга комплиментами и добрыми пожеланиями. Жена к этому моменту уже ушла в гостиную и уткнулась в экран, включив какое-то кино. Мы немного потолкались в прихожей, и гости стали выходить на лестничную площадку.

– Зай, – крикнул я в комнату, – мусор вынесу и вернусь.

– Ага, – услышалось в ответ. Она была, видимо, погружена в сюжет какой-то комедии, поскольку сразу же после этого громко засмеялась. Я саркастично хмыкнул, взял пакет с мусором и вышел вслед за друзьями.

На улице мы ещё постояли и покурили, вспоминая всякие весёлые истории из студенчества, раза два-три прощались, похлопывая друг друга по спине, но, вновь вливались в разговор, и так и не расходились. Мы простояли минут пятнадцать, пока я не почувствовал, что надолго выйти в одной футболке в эту октябрьскую сырость было не лучшей идеей. Наконец я нырнул в затхлый воздух подъезда (парадным это язык не поворачивался назвать), немного поёжился и шагнул в лифт. Перспектива уборки и мытья посуды совершенно не радовала, и потому я уже решил, что оставлю это до завтра, а вечер проведу перед телевизором на мягком диване, прижав к груди свою любимую. Что-то у нас в последнее время не ладится с ней: то в молчанку играем, то разбегаемся по разным углам. Нет, конечно, каждому нужно личное пространство, своё время, но как-то это у нас нехорошо складывается, не по-семейному. А раз так, то надо что-то менять. Что там женщинам надо, внимание? Значит, буду оказывать. Хотя усесться в удобное кресло у окна, включить торшер и погрузиться в сюжет книги было бы здорово. Я провернул ключ в замке, потянул на себя дверь и замер в лёгком ступоре – из прихожей на меня выкатился клуб едкого белого дыма.

– Чт... что... кх-акх, – закашливаясь от удушающей пелены, закричал я, – что случилось?!

Дым, найдя новое для себя пространство, пополз по подъезду, рассеиваясь в квартире, и тогда я увидел спокойно сидящую, всё так же уткнувшись в экран, Арину.

– А что такое? – совершенно спокойным голосом, словно не понимая происходящего, отозвалась она.

– Что горит, блин?! Ты на плиту чего-то поставила и забыла? – мысль странная, учитывая, что готовил у нас в семье только я, да и сегодня мы наелись до отвала. Одной рукой разгоняя в стороны дым, а плечом второй закрывая себе рот и нос, я продвигался в гостиную.

– Ничего я не... чего ты опять наезжаешь?! Фу! Что это? – Только сейчас она обратила внимание на расползавшийся по квартире дым. Видимо, сидя вдали от кухни и глубоко погрузившись в происходящее на экране, она постепенно привыкала к нарастающему белому мареву, а потому и не обращала внимания. – А кот? Где кот? Кота возьми!

– Иди уже! – я нетерпеливо рявкнул в ответ. – Кондратий! Кс-кс-ксс!

Кота было не слышно.

– Закрой рот! Не дыши! – Скомандовал я и, схватившись за тонкое запястье, потащил её через кухню на балкон. Дверь пришлось искать на ощупь, поскольку саму кухню словно укрыло облаком или, как говорят походники в горах, она была в молоке. Мы ввалились в спешно распахнутую дверь и, уперевшись руками в поручни, стали пытаться отдышаться, как после долгого забега. Холодный влажный питерский воздух казался уже не таким мерзким, как пять минут назад внизу. Мы глотали его жадно и часто, и не желая останавливаться.

– А, вот ты... кх... где! Иди сюда, я тебя вытащу, – она направилась к дальнему концу балкона, куда выходило окно из спальни. В приоткрытую створку просунулись испуганная кошачья морда и передняя правая лапа – видимо, дальше кот пролезть не смог. Ну, хоть так, зато не задохнулся, молодец.

– Оставайся здесь, – бросил я и шагнул обратно в квартиру. По памяти мне удалось быстро найти пару полотенец, которые сразу же отправились под струю холодной воды в раковину. Размахивая одним, как бы разгоняя дым в стороны, второе я потащил на балкон. – Возьми! Дышать будешь через него! – А сам вернулся обратно.

За пару минут я обежал всю квартиру, распахнув настежь окна и двери, и вернулся на кухню. К тому моменту дым поредел, и стало возможно что-то разглядеть. На шкафу у плиты лежала та самая разделочная доска, которую я небрежно отставил в сторону перед выходом на улицу. Именно от неё и валил во все стороны дым, как от сырой дровяшки, брошенной в самый центр костра.

«Твою ж медь! Что за чёрт?», – только и пронеслось в голове. Доска просто лежала на столешнице и сама по себе дымилась! Продолжая размахивать мокрым полотенцем, я схватился за её край и сунул в раковину под струю холодной воды. Раздалось жалобное шипение, и последнее облако белого дыма поднялось вверх и медленно растаяло. Посредине дровяшки чернел обуглившийся круг размером в пару ладоней. Оставив причину мини-пожара остывать под водой, сам я вернулся отдышаться на балкон.

Через час, когда всё проветрило настолько, что возможно было находиться в комнатах, а основной хлам после посиделки убрали, мы без сил рухнули в постель. Нервы пошаливали, ведь подобная чертовщина происходила здесь уже не в первый раз. Нет, до пожаров, конечно, раньше не доходило, но до мурашек нас пробирало. К шагам по квартире, скрипу паркета, произвольно открывающимся дверям и ощущению чьего-то присутствия я уже давно привык, это с самого детства было. Не скажу, что не страшно – когда такое происходит, волосы дыбом встают как в первый раз. Но потом всё равно впечатления угасают, становится именно привычно. Было – и было. Прошло. В конце концов, такие мелочи можно списать на сквозняк, изменения влажности или ещё какой-нибудь обычный физический процесс. Мозг такое уstraивает, и тебе уже становится спокойнее. Немного, но всё же. Другие ж про подобное не рассказывают? Нет. А значит, и нет у окружающих таких происшествий. Ну а не может же быть только у меня эта ерунда? Нет, не может. А истории по ТВ и в жёлтой прессе – это выдумки. Вот и всё. И вроде как нервы успокаиваются, и в голове всё мало-мальски укладывается.

А потом вдруг – раз! – и всё, пошло заново, с новой силой. И теперь не только открываются дверцы шкафов на кухне, но и гречка с рисом оказываются в противоположном конце кухни, и кот шипит на тёмные углы, и картины со стен падают, разбивая рамы на мелкие части. Я уже подумал, мало ли, может, домовые и впрямь существуют. Порылся в литературе, вспомнил, что слышал из историй, и стал временами, когда дома никого нет, ходить и вежливо общаться с этим домовым – мол, бабушка-соседушка, будь поспокойнее, не шали... чай ему оставлял, табаку насыпал. Вроде, становилось на какое-то время тише, а потом с новой силой всё повторялось. Прямо проклятье какое-то! Ведь с самого детства всякая белиберда происходит.

А тут, как в эту квартиру въехали, вообще бесконечная чертовщина началась. Насколько я знаю, до нас здесь трое алкашей жили, буянили много, дрались даже, естественно, вовремя не платили. Потом их выселили, правда, двоих – третьего просто вынесли. Перепил и после очередной пьянки так и не проснулся. Конечно, предыдущие хозяева при продаже квартиры этого не сказали, но соседка как-то проболталась. В общем, много всякого было в нехорошей квартире.

Произошедшее этим вечером отрезвило мгновенно, но сердце молотило от волнения ещё немало. Всё это нас утомило. Уснули мы быстро, почти сразу, как легли, около одиннадцати. Но, к сожалению, спать довелось не очень долго. Я очнулся от щелчка, словно пальцами, раздавшегося где-то в прихожей. Почти мгновенно на меня запрыгнул испуганный кот, шерсть которого встала дыбом, хвост вытянулся вверх дрожащей трубой, а уши прижались назад. Кондратий отскочил ещё в сторону от входа в спальню и, прижавшись к полу, пополз под батарею. Тем временем из кухни доносился рокот гитар, и по квартире прокатилось барабанное соло – каким-то образом включился магнитофон. Что за чёрт? Я же выдернул шнур из розетки! Жена тоже проснулась и вжалась в изголовье кровати, поджав ноги и натянув одеяло аж до носа. Мы переглянулись, и я осторожно встал. В прихожей в ту же секунду включился свет. У меня вырвалось несколько бессвязных матов, ноги с трудом слушались, но я поднялся и направился через прихожую на кухню. Раздался звон бьющихся осколков – прямо передо мной со стены упала картинка в раме под стеклом. Я включил свет на кухне и как испуганный ребёнок подбежал к магнитофону, чтобы выключить его. Шнур был в розетке. Я выдернул его, открыл крышку и вытащил ещё вращающийся горячий диск. Наступила тишина. Её разбавляло только тяжёлое дыхание. Через несколько мгновений жена вышла из спальни, прикрываясь одеялом, и молча уставилась на меня.

Я шумно выдохнул. Хотелось смачно выругаться, но слов не было.

– Пойду перекурю, – сказала она и медленно направилась в гостиную, механически включая по пути везде свет.

Я огляделся по сторонам. Всё было спокойно. За окном пронеслась машина. Из комнаты донёсся знакомый звук загружающегося Windows. Из спальни мелкими осторожными шажками крался озирающийся по сторонам кот. А я всё так же стоял посреди кухни с диском какой-то death metal группы в одной руке и проводом с оплавленной вилкой – в другой. «Жесть», – проползло одно лишь слово в голове. Словно соглашаясь со мной, трижды пропищала микроволновка: «бип-бип-биип», открылась её дверца, и на меня вылетело облако пара. Я молча покосился на табло, с которого ритмично мигали цифры «01:03», и поплёлся в гостиную. Теперь я сам дико хотел курить.

Мы с женой сидели молча друг напротив друга, глядя в пустоту и куря уже по третьей сигарете под весёлые песенки Валентина Стрыкало.

– По-моему, у меня где-то оставалась святая вода.

– Ага...

– Пойду.

– Давай. А свечек у нас церковных нет?..

– Не... вроде, не было... Ты куда?

– Я с тобой. Там в спальне «Новопассит» у меня валялся...

Таблетки мы выпили оба, запив святой водой. Минут через пять вся квартира была в брызгах: капли стекали по стенам, проступали тёмными пятнами на постели, блестели на полу. Но всё же спать идти мы не решались. Наконец часа в четыре утра мы свалились на диван и забылись в крепком сне.

18 октября, суббота

Утром, когда всю квартиру залило солнечным светом (на удивление день оказался ясным), ночные происшествия представлялись не более чем обычным кошмаром, а необходимость идти на работу и вовсе ступала всё в памяти. На некоторое время.

Мы каждый день несёмся куда-то, гонимся непонятно за чем, делаем кучу всего и не замечаем, как это поглощает нас целиком. Стоит нам одеться, обуться, взять ключи и потянуться к дверной ручке, как что-то щёлкает внутри, тумблер переключается, и вместо привычных нас за порог выходит некий робот. Мы ведь даже не помним порой, закрыли ли дверь на замок, не говоря уже о том, как вставляли ключ в замочную скважину. Мы выходим на улицу, протискиваемся в толпе таких же роботов-зомби, как дрессированные стоим у светофоров, механически прыгаем в общественный транспорт или за руль своей машины, одинаково проводим каждый день на работе. Эти искусственные заботы, потребности работы или учёбы, но ни в коем случае не наши, перекрывают собой те редкие желания и мысли, то настоящее, что иногда появляется внутри нас. Жизнь заменяется выживанием, существованием безмозглой рыбки в аквариуме. Нам становится не важно, что было вчера и будет завтра у нас, но мы думаем, как бы вовремя сдать отчёт, дописать программу, как избежать ссоры с начальником или как надоедает этот сумасшедший раздолбай в очках, не выпускающий из рук свой гаджет.

И чем дальше, тем больше мы уходим в это с головой – эдакая негативная спираль, тянущая невесть куда вглубь. Правда, кто-то это использует, чтобы забыться. Хороший предлог! К примеру, бросила тебя жена, а ты можешь вместо того, чтобы напиться, уйти с головой в эту безумную гонку по кругу, забыться надолго – и здоровью вреда меньше, и обществу, вроде как, польза какая-то, ну или дяде/тёте, на кого ты там работаешь. Или произойдёт в жизни абракадабра, а ты и в ус не дуешь – у тебя ж на работе сроки горят, а Пётр Ефимыч лютует. Это же как заклинание от всех бед – «у меня много дел!» или «у меня много работы!», и всё – остальное становится неважным. И вот бегаешь ты так, бегаешь, пока вечером домой не придёшь. Поешь, телевизор посмотришь, послушаешь, как Екатерина Андреева рассказывает, кому на Руси жить хорошо, посмеёшься над пошлыми комиками, сходишь в душ и отключаешься до следующего дня. А что, хорошо, удобно! Если вот только дома тебе дадут уснуть...

Вечером мы с женой чувствовали какое-то напряжение и не хотели идти спать. Я привычно сидел в кресле у окна и читал о приключениях Челленджера. Вот уже несколько минут мне не удавалось отделаться от ощущения, что слева за моим плечом кто-то стоит. Жена сидела напротив, в дальнем конце комнаты, за компьютером. Я не решался оглянуться и всё так же пялился в раскрытую книгу. Оставалось надеяться, что это либо кот на подоконнике, либо мне кажется. Такая мысль немного успокоила, и я продолжил читать, перелистывая страницы, так и не оглядываясь назад. Уж лучше не знать наверняка.

На кухне раздался хруст – кот решил перекусить сухим кормом. «Значит, не кот». Я не выдержал и вскочил с кресла. У окна никого не было, только шторы легонько колыхались. Наверное, это я так резко встал. Мне показалось, что в комнате похолодало, и я пошёл в спальню за кофтой.

– Что с тобой?

– Да так, замёрз...

– Ммм...

Диалог у нас уже давно не складывался – всё никак не можем найти общий язык. Уже три года почти живём вместе, а тут... кризис какой-то. Как чужие друг другу, ей богу! Просто соседи по квартире, разве что спим в одной постели, да и то не всегда. Не знаю, что ей надо. А тут ещё и эта чертовщина происходит. В общем, холодная война. Хоть разбегайся. Поссориться и выплеснуть пыл советовали, да не получается, не такие мы. Хотя, пожалуй, посуду было б интересно побить. Так, для разнообразия.

Я открыл шкаф и нашупал свитер. Эх, а ведь ещё недавно мы грелись совсем иначе. И даже зимой было жарко. Я натянул на себя шерстяную одежду и тихонько пошёл обратно в гостиную. Она сидела, съёжившись, перед монитором ноутбука и смотрела какие-то ролики на youtube, её нежные плечи обнажила сползшая к локтям свободная майка. Я подошёл, аккуратно поправил её и обнял, прижавшись щекою к щеке. Дальше состоялся невнятный диалог, и я признался, что соскучился, что мне хочется быть с нею вместе как раньше и что-то подобное. В итоге я взял её на руки и отнёс на диван, достал плед, укрыл нас обоих и прижал её к себе.

– Давай кино посмотрим, – она всё равно как-то отстранялась от меня. Я вздохнул и полез за флешкой, включил телевизор, и на экране замелькали знакомые лица.

Минут через десять к нам пришёл кот, улёгся сверху – задними лапами на моё плечо, а передними – на плечо жены. Почти семейная идиллия. Закончилась одна серия, я переключил на следующую, хотя уже чувствовал, что вот-вот усну. Глаза понемногу слипались. Кондратий куда-то делся, но это значения не имело. Я крепче обнял Арину, думая, что она уже спит, но внезапно она спросила:

– Ты видишь? Там, под столом...

– Что? – в груди нервно опять застучало, и я, размыкая глаза, приподнялся на руке. Внутреннее чутьё говорило, что мне не хочется смотреть в ту сторону. Этого было и не нужно – я чувствовал, что там сидит нечто, и оно смотрит на нас. Послышалось шипение кота, сменившееся жалобным «мя», а затем – семенящие в нашу сторону шаги, и в следующую секунду Кондратий вжался между нами. Мы молчали.

Воспоминания прошлой ночи мгновенно окутали жутким холодом. Я всё же бросил взгляд в ту сторону. В комнате было темно, только включенный экран светил на нас пятнами красок, но под письменным столом темнота была гуще. Тень в темноте, объёмная и густая. И она двигалась, словно пульсировала. Мы лежали, как загипнотизированные, как кролики перед удавом. Мурашки волной пробежали по всему телу, я буквально почувствовал, как волосы на голове зашевелились от страха. По сути, ничего не происходило, никого явного в квартире не было. Только тень в углу под столом. Может, это игра воображения? Мы устали, перенапряжены, прошлая ночь ещё жива в памяти. Я, как мог, уверял себя, что это только чудится, но вслух озвучивать ничего не решался. Жена тоже молчала.

– Может, это... – я не успел закончить мысль, поскольку тень перекатилась и остановилась у противоположного края стола. Мы продолжали ждать, временами косясь в ту сторону. Через пару минут молчание прервалось слабыми попытками диалога – всё же в минуты страха разговор лучше тишины. Мы обсуждали, что делать дальше. Продолжать находиться здесь никакого желания не было, но двигаться навстречу Этому тоже не хотелось. Спать в такой обстановке явно бы не получилось, поэтому совместно было принято решение подняться, быстро одеться и уйти ночевать к друзьям. Оставалось только выбрать время для рывка вперёд. Мы тянули. Наконец, когда тень перекатилась на своё прежнее место, я вскочил с дивана и двумя прыжками добрался до выключателя. Свет залил всю комнату. Ещё не успев ничего сказать, я почувствовал, как жена пробежала мимо меня в спальню, затем и там загорелся свет. Мне хотелось поскорее свалить отсюда. Уже развернувшись, я услышал какое-то потрескивание под потолком, свет замигал, что-то пшикнуло, и в гостиной стало темнее. «Лампочка перегорела», – заключил я и рванул одеваться в спальню. Уже через минуту мы обувались

и перепроверяли, всё ли необходимое взяли с собой. Я погасил свет, запер дверь, и мы спешно спустились на улицу.

Друзьям сказали, что у нас отключили воду и электричество, а хочется сходить в душ, и нас с радостью приняли, напоили чаем, а после долгих разговоров на кухне оставили ночевать, на что, собственно, мы и надеялись.

19 октября, воскресенье

Спалось этой ночью просто замечательно. Утром же, наспех позавтракав вчетвером, мы разбежались каждый к себе на работу. Но я, проходя мимо дома, вспомнил, что оставил там пропуск, а потому всё же зашёл ненадолго. Да и кота надо было бы покормить.

В квартире всё казалось спокойно и обычно, если не считать почему-то горевший свет в комнатах. Кондратий привычно тёрся у ног и что-то настойчиво рассказывал на своём кошачьем языке – возможно, ругался, что мы его оставили одного на ночь, а может, поторапливал покормить. Я насыпал в миску корм, почистил его туалет, забрал пропуск на работу, выключил везде свет и, уже закрывая за собою дверь, понял, что тот самый письменный стол сейчас стоял не как обычно в углу, а был на метр выдвинут вглубь комнаты. Думать об этом не хотелось, и я скорее убежал на работу.

Вечером дома мы не наблюдали ничего необычного, и я, мысленно выдохнув и расслабившись, ковырлся в ноутбуке, листая всякие записи в социальных сетях. Меня не покидало тайное желание найти какое-нибудь средство от всей этой чертовщины, и потому время от времени я открывал записи различных форумов и сообществ, посвященных такой теме, но в основном наткался на безумные глупости и выдумки любителей кино или же вовсе помешанных псевдомагов и колдунов. Конечно, таких людей хватало во все времена, и в каждой деревушке была бабушка-травница, к которой бегали молоденькие девицы за приворотным зельем или лекарством от неизвестной хвори. Но то церковь, то советская власть заставляли держаться их в глубокой тени. А вот сейчас, в эпоху свободы, когда страна, словно пубертатный подросток, выскочила из-под родительского контроля, чтобы попробовать всё, даже то, что ей и не нужно, сейчас, когда наша страна провозгласила своим девизом рекламный лозунг Sprite, дополнив его: «Бери от жизни всё подряд», сейчас колдунов и целителей стало полно, как тараканов в общежитии. Каждый, кому не лень, норовит назвать себя потомственным чёрным или белым магом, знающим кучу заговоров и молитв, и заработать на этом, выкладывая в газеты и на интернет-страницы свои многообещающие объявления. Верить, конечно, им глупо, но, к сожалению или к счастью, я знал, что среди шарлатанов прячутся и самые настоящие ведьмы. Мне самому пришлось в детстве побывать у одной такой бабки.

Когда я был совсем мальчишкой, то как и многие, боялся темноты, чувствуя, что там кто-то прячется. Но время шло, а страх не проходил. Как-то меня решили отвезти в соседнее село к какой-то бабке, занимавшейся снятием порчи. Тот вечер запомнился надолго. Мы приехали к домику на краю села, фонарей на улице либо не было, либо они принципиально не горели. Где-то вдали у домов лаяли и выли местные собаки, а у того дома по двору никакой живности не бегало. Нам отворила скрипучую дверь сухая старушка. Из-под повязанного на голову белого платка сзади торчали крысиным хвостом смазанные чем-то жирным редкие волосы. Мы вошли в дом и оказались в середине продолговатой комнаты, служившей одновременно и прихожей, и кухней. В левой части располагался небольшой деревянный столик, уставленный всякими мисочками, чашками и свечками, напротив находилась деревянная дощатая дверь, краска на ней уже давно облупилась и шелушилась. Нас проводили как раз в эту часть комнаты. Хозяйка, распахнув дверь, взяла табуретку и поставила её перед открывшимся спуском в подвал. Меня усадили на это место. Мальчишке, до смерти боявшемуся темноты, пришлось сидеть в мрачном домике спиной к тёмному подвалу. Бабка зажгла свечу, взяла миску с водой, всё время что-то бормоча, и подошла ко мне. Она стояла прямо передо мной, какие-то гряз-

ные старые тряпки висели на ней в несколько слоёв, а у меня за спиной зияла чёрная пропасть неизвестного подполья, над головой что-то шипело и капало – это старуха жгла свечу и лила воск в миску с водой. Через несколько минут бабка ушла к столу и потушила свечу. Я сразу же вскочил. Хозяйка стала рассказывать что-то про порчу, что на меня страх нагнала какая-то ведьма, что воск показывал какую-то женщину, а я смотрел на воду и видел плавающий по ней восковой портрет своей тётки, жены маминого брата. Уже потом я узнал, что Люба – так звали ту женщину – и впрямь слыла ведьмой, про неё ходило множество слухов. Вот только ненавидела она меня, а за что – никто объяснить не мог. И чем старше я становился, тем больше отвращения и страха испытывал к этой женщине. Но пересекались мы с ней, к счастью, редко.

Последний раз мы виделись, когда мне было семнадцать. Умерла бабушка. Уснула и не проснулась. Я знал, что к ним с дедом уже как несколько месяцев зачастила Люба и то что-то приносила, то оставляла на время какие-то вещи, то вроде бы что-то случайно забывала. Буквально на глазах бабушка с дедушкой стали чахнуть, затем запили, хозяйство их, некогда большое, почти мгновенно пропало, обильно цветущий садик порос бурьяном и завял. А затем одним февральским утром пришел дед и сказал, что бабушка умерла. Весь день перевернулся с ног на голову. Я впервые столкнулся со смертью близкого человека. Можно много слышать, читать, смотреть по телевизору про смерть, но в реальности это совершенно иное. Ещё вчера мы сидели вместе, общались, я что-то рассказывал, слушал её, мы пили чай, а сегодня она лежит на столе посередине комнаты. Хотя, странное дело, накануне было мерзкое ощущение, словно кругом много паутины и плесени, а липкий затхлый воздух насильно погружал в дремоту. Утром у бабушки, под старость лет страдавшей плохим зрением, на шее мы увидели странную подвеску – на шнурке висело подобие иконки, только лицо святого было искажено жуткой гримасой. На мой вопрос дед ответил, что это Люба принесла, сказала, мол, от болезни может. Вот и помогло. Радикальное средство.

Мы встретились в день похорон. Кругом звучали соболезнования, постоянно кто-то плакал, приглашённая из церкви девочка долго и красиво отпевала у гроба, родственники с восковыми масками вместо лиц пытались что-то делать, все регулярно выходили на улицу, а по дому словно разносился в разных углах жалобный вой – говорят, так домовые оплакивают хозяев. Я стоял один во дворе, когда она подошла и заговорила. Уже не вспомню, с чего начала, но я смотрел на неё, переполняемый ненавистью и жадой уличить, обвинить, мне хотелось отомстить, я был взведён. Она это видела, но совершенно спокойно вела разговор. Как-то аккуратно, словно перепроверяя заранее известные факты, уточнила про мои головные боли и бессонницу, а затем спросила: «С отцом-то уже общался?». Это ошарашило. Отчим погиб много лет назад, а отец... В семье вообще было не принято о нём говорить, да никто, в общем-то, и не знал, где и что с ним. Но буквально незадолго до этого я увидел странный сон, где познакомился с ним, увидел его лицо, и теперь начал активно искать, но никому об этом даже не говорил. Не дожидаясь ответа, она добавила: «У меня есть его фотографии, так что, если хочешь, приезжай, покажу тебе». Я молчал, стиснув зубы, а она продолжала смотреть на меня с ехидной улыбкой. Рядом с нами до сих пор никого не было.

– Что голова болит, это понятно, так и должно быть. Ты сделай себе медный обод, сплети его и надевай перед сном. Это пока. Пока не найдёшь тот самый. А вот как разыщешь, так и будет тебе легче – и болеть всё перестанет, и поменяется всё.

– Чего? Какой ещё... – тогда хотелось послать её подальше, вывалить на неё тонну ругани, но вместо этого я стоял перед ней, как перед уличной гадалкой, заставшей меня врасплох.

– А, так ты ещё не знаешь, – она засмеялась как-то хитро и очень недобро. – Твой папкакто не из простых... – она опять нехорошо улыбнулась, – было у них в роду так заведено: когда юноши выросли, им надевали на голову венец во время ритуала, и они приобщались к родовому таинству. А потом и здоровее, и крепче становились. Только дед твой, дурень, решил прекратить то, что проходило из поколения в поколение, и спрятал куда-то свою побрякушку.

Закопал где-то. Да ещё, небось, заклинание какое-то наложил. Но вас же всё равно тянет к ней, что-то внутри зовёт найти её. Папка твой, правда, так и не добрался до неё. А тебя, гляжу, аж трясёт.

Я слушал и не понимал, что за ахиною она несёт. К счастью, нас прервали появившиеся рядом родственники, она ещё раз ухмыльнулась и ушла куда-то в сторону, оставив в моей голове кашу из вопросов, ненависти и недоумения. Понятно было лишь, что об этом разговоре никому рассказывать не нужно.

После похорон я стал регулярно видеть во сне мёртвую бабушку и делающую что-то странное рядом тётку. Потом узнал, что она действительно какими-то травами занимается, а ещё умеет внушать людям то, что ей захочется, – своего рода гипноз. С помощью таких хитростей она входила в доверие к людям, проводила махинации с их документами на жильё, оформляла на себя, а затем избавлялась от несчастных. Что уж тут скажешь – квартирный вопрос испортил и ведьм двадцать первого века. Видеть же во сне её мне доводилось всё чаще и чаще, постепенно доходило до абсурда – казалось, она следит за мной, куда бы я ни переехал, чем бы ни занимался.

Так что я не понаслышке знал о существовании настоящих ведьм – не скрюченных старух с бородавками на носу, не тех, что поджидают в лесу бедных путников, а современных, но не менее страшных. В интернете же попадались только распиаренные экстрасенсы. Не знаю, почему, но почти каждый день я уделял немного времени своим нелепым поискам. Однажды даже наткнулся на какую-то радиопередачу и у одного такого экстрасенса спросил что-то в общих чертах, как мне быть с ведьмой. Естественно, ответ был размытый, вычурный и большой. Но именно в этот день, когда мы с женой после своих приключений наконец сидели дома спокойно, мне пришло сообщение от незнакомого человека с незапоминающимися именем и фамилией. Вроде бы, Андрей Николаевич. Он написал, что знает о моей проблеме, что готов помочь и предложил встретиться. Естественно, меня насторожило это. Нет, конечно, роясь в сети, что-то подобное я и хотел найти, но вот, найдя, стал сомневаться. После недолгой переписки он ответил, что занимается этим не из-за денег, а потому что должен помогать, причём не людям, а тем, кто остался на границе миров. Он рассказал про свою клиническую смерть, после которой и стал видеть тех, кто не из нашего мира, тех, кто застрял здесь не по своей воле и оттого мучается. Всё это походило на очередные бредни, но я всё же решил с ним встретиться, тем более что место мы выбрали нейтральное – Марсово поле, а чтобы было более комфортно, он предложил мне прийти с женой, пообещав взять с собой свою пару. Договорились на следующий день на пять вечера.

20 октября, понедельник

Мы пришли вовремя, и я оглядывался по сторонам. Кругом, как и всегда, было полно народу, люди фотографировались, играли с собаками, толпились у огня, шумно общались – словом, обычная обстановка этого парка. Андрей появился внезапно и словно из ниоткуда, он просто вышел из толпы и уверенным шагом направился ко мне. Ему на вид было лет 35—40, длинные волосы, чуть не до плеч, мягое рыхлое лицо, мутные глаза и узкая полоска поджатых губ, на нём была затёртая куртка пилот, ставшие уже серыми джинсы и выдавшие виды берцы. Рядом с ним шла невысокая рыжая девушка. Мы коротко поприветствовали друг друга, даже не знакомясь, и он сразу предложил присесть на скамейку. Никаких отвлечённых разговоров, никакого начала, ничего хотя бы отдалённо похожего на попытку выпросить у меня какие-нибудь детали. Мы просто сели на скамейку: он по левую руку от меня, девушки – рядом с нами. Он повернулся вполборота и сказал, что сначала нужно посмотреть, кто вообще есть в квартире, а потом уже решать, как с ним быть. Я кивнул, не сводя с него взгляд. Андрей опустил мне руку на плечо, я только набрал воздуха, чтобы что-то сказать в ответ на это беспардонное действие, но он уже заговорил. Его глаза затуманились ещё больше прежнего, он был

словно пьян, девушка его сидела отвлечённо и как бы разглядывала не то деревья, не то небо, только придерживала его левую руку. Он описывал нашу квартиру, сначала общую планировку, а затем детально, словно передвигаясь по ней, шаг за шагом, метр за метром, временами вставляя какие-то странные фразы. Внезапно Андрей остановился и попросил нас с женой поменяться местами, сказав что-то про меня как про слабый проводник. Мы молча переглянулись, но пересели. Он удовлетворительно что-то пробормотал и продолжил. Теперь он описывал не только обстановку, но и недавние ситуации – кресло, на котором я сидел, появление кого-то за плечом, шаги... Ещё пару минут мы наблюдали за этим странным процессом, наконец он поморгал, помотал головой и обратился ко мне.

– У вас там мужчина умер. Несколько лет назад. Спился. Почки отказали. Но он до сих пор не понимает, что мёртв, и поэтому смотрит на вас как на непрошенных гостей. И постоянно хочет бухать. Его излюбленное место в левом углу кухни, у холодильника, перед балконом. Там он и... У вас дома как с алкоголем, гости часто бывают?

– Ну... да, бывают. И про запас всегда что-то стоит.

– Да, он это любит.

– Я как-то читал про домовых...

– Нет, это не домовой, – отрезал мой собеседник.

– Да, я понимаю. Но... я как-то читал и решил, когда поминал покойную бабушку, оставить на холодильнике рюмку с водкой и кусок чёрного хлеба. Через день в хлебе появилась дырка, а водка...

– А водка, – подхватил он, – за пару дней пропала. Да, он даже сейчас не может угомониться – так пристрастился. Так, а вы не болеете? – вопрос был обращён к нам обоим.

– Жена в последнее время... Похоже, спину застудила, хотя всегда тепло одевается. Врачи говорят, что почки...

– О, это он так на вас пытается отыграться. Самому-то паршиво. Ну ладно, его мы проводим.

Андрей выпрямил спину, опустил руки на колени и запрокинул голову, закрыв глаза. Сидевшая рядом девушка отпустила на время его руку, но внимательно стала следить за его лицом. Мы тоже наблюдали. Ничего необычного не происходило. Минута. Другая. Вдруг его тряхнуло, словно кто-то сильно толкнул его в спину, девушка молча обхватила трясущиеся плечи, сжала их, а затем так же быстро отпустила и снова отвернулась наблюдать за природой. Андрей улыбнулся и сказал, прежнего жильца дома он проводил, теперь в квартире его нет.

– Больше там никто не живёт. Постоянно. Ну, домовой, конечно, есть. Но он у вас мирный. А вот в гости кто-то заходит. Причём всегда разные товарищи. Нехорошие. Кто-то подсылает к вам их. Кстати, домовой старается гонять таких – он вам, наверное, свет включает временами, да?

– Включает, – глухо отозвался я.

– Ну вот. Нет, с ними я помочь не смогу. Это тебе самому придётся разобраться. Они, хоть и не по своей воле, но всё же к тебе ходят, так что тебе и придётся их отвадить.

– А может такое быть, что их ведьма присылает?

– Может. А может и... – Андрей запнулся, его глаза снова затуманились, он вновь сидел в позе школьника, его подруга обеспокоенно обернулась и внимательно следила за каждым действием, голос у него изменился и стал каким-то певучим:

– Дело было давнее, дело было тёмное, но тёмное – не страшное, тёмное – незапамятное. Жила в стране южной, да на земле Казахской ведьма жадная, да на чужое добро охотная. А чтоб честной народ узнать её легко не мог, носила имя она славное, звалась Любовию. Подкрадётся, бывало, к добру молодцу, вскружит ему головушку юную, да отберёт всё, что было, пока тот без памяти. А порой и к старцам, жизнь у мудреных, подход найти умела. И так жила она себе

поживала, да богатств-домов наживала. Много людей добрых на кривую дороженьку посводила ведьма та черновласая.

Но вот повстречался ей однажды славный парень, Витей звали юного. Статный молодец был: щёки румяны, волосы – смоль, усы генеральские, глаза огнём живым горят да улыбаются. И семья его справная, на дела дельная – матушка-хозяйюшка, да батюшка-золотые руки, мастер, каких свет не видывал. Всё, за что ни возьмутся они, – всё разом получается глазам на загляденье, людям на радость. Не стерпела Любаня, да решила прибрать к себе всё это. Охмурить Олега вздумала, да дожидаться, когда семья его побольше добра наживёт, чтоб и это получить.

Была ещё сестрёнка младшая у Вити того, Виктореею звали девицу. Вся пригожая, коса русая, стан осиный, взгляд вишнёвый. Скромная да умная росла, да была у неё черта особая: людей она видела как есть, врёт ли человек, правду ль молвит, что на душе творится у него. И вот, когда пришла с Виктором в дом Любаня-ведьма, долго плакала девица юная, беду почуяв чёрную, душу грешную увидев на пороге дома да с братом любимым под руку. Невзлюбили друг друга они, но слов напрасных не молвили. Поняла всё ведьма, что раскусили её, да припугнула девочку, чтоб отцу да матери слова не сказала. Но этого ей мало показалось, и решила она порчу-сглаз навести:

– Раз глазастая ты такая, видишь всё далёко, у кого что творится, – говорит она золовке, – так ослепнешь, когда самой для себя разглядеть судьбу время придёт!

И наколдowała словами этими порчу страшную.

Скоро слово сказывается, да не скоро дело делается. День за днём катался солнышко-отец по небу синему, месяц месяцем сменялся, снег – дождём, да дождик – засухой. Год за годом пронеслись, Вика выросла. Невеста ладная женихов не искала, но уму-разуму училась, себя к семье готовила. И вот, когда дожди погнали пташек певчих в страны южные, далёкие, повстречалась девица красная с парубком славным, из рода ясов гордых да цыган ретивых. Оборотнем-медведем был по крови парень тот. Да дед его, от проклятья родового чтобы спрятаться, силу звериную свою в диадему серебряную с медью красной, хитро свитою, вложил, да упрятал под камнем старым в горах далёких. А рядом волка серого оставил клад стеречь, не подпускать чужаков к нему. Но, ежели из потомков кто придёт, то волк косматый со шрамом над левым глазом, злой как Цербер греческий, сам диадему в зубах принесёт и отдаст сыну рода ясова.

Так и жил парень, по духу оборотень, да ни разу зверем не оборачивавшийся, и не говорил секрета своего никому. Кровь его вскипела, забурлила, когда Вику он увидел, и кинулся он к ней да с подарками дорогими, с речами красными, словами лестными. И сбылось проклятье ведьмино, не узрела девица рока своего, и ушла с ним под венец. Но Любане мало было, желчью кипела вся, и решила она ещё жизнь подпортить золовке своей, покуда богатств новых не предвиделось:

– Как только сын родится, муж уйдёт, и будешь слёзы лить ты да мучиться горькой мукою!

Так она приговаривала, да дело своё чёрное делала. Но, узнав, что ребёнок по крови оборотнем-колдуном будет и отомстить ей сможет, запугать решила да в детстве извести его, как ведьмы щенков четырёхглазых изводят, чтобы нечисть со двора не гоняли. Наслала ему она страх-порчу, и стал мальчик бояться всего. А как управилась ведьма-Любаня с делами своими мерзкими, так и отдохнуть решила. И десять лет и три года жила она себе припеваючи, богатств наживаючи. И год за годом всё дородней становилась она, а муж её, Виктор, всё чах да чах, пока совсем безвольной куклою не стал, да родителей своих не забыл.

А Вика сына своего растила, любила, души в нём не чаяла. И бабушка с дедушкой его помогали воспитывать – учила бабушка доброте, а дедушка – мастерству хозяйскому. Славный мальчик рос, только боялся он всего, особенно – ночи тёмной, да снов кошмарных, когда волк за ним серый бегал.

Прошло ещё три года. Не выдержала ведьма столько терпеть и ждать, и решила она известить родителей мужа своего, чтобы дом их себе забрать. И так она юлила, и сяк крутилась, и в гости приходила, и зелья носила да тайком подсыпала им. Не берёт проклятье такое людей добрых, духом сильных! Тогда достала она ночью подвес-смертовик с личиной бесовской и подарила свекрови своей на погибель скорую. И схоронили вскоре её. А потом свёкра извела она. И остались мама с сыном одни на белом свете.

И остались Вика с Ильёю одни на белом свете. Погоревали они, да рассказала матушка сыну своему историю эту страшную всю. И решил Илья пойти правду искать. Обнял он мать на прощанье, собрал сумку перекидную и пошёл, куда глаза глядят. Много лет он бродил по степям да лесам, множество деревень и городов обошёл, везде слово доброе, слово умное слушал, да гадость пропускал. И когда исполнилось ему тридцать лет и три года, остановился он в селе Алатырском, где, по преданию, камень бел-горюч лежит и правду стережёт. Встретил он на опушке леса мальчика Иванушку, который лежал в траве и плакал. Отряхнул его, успокоил и в село привёл к дедушке родному. Отблагодарил старец Илью, да сказал, что это от ведьмы внучка он уберёт.

И внучек дедушкин рассказал, как страшная бабка в лесу его встретила, как поманила сначала, а потом что-то страшное делать стала, колдовать нечистое. Вспомнил Илья, какую обиду ведьма ему причинила, и решил справиться с ней.

Ночью в одинокой избе собрались трое старцев и Илья с ними. На стол дубовый белую миску с каёмкой золотой поставили, да воду колодезную с молоком налили в неё. Сели все вокруг стола, сговорившись прежде, взялись за руки и затянули песню :

И вот тогда за дверью крепкою кто-то громко затоптался, войти собираясь, а по столу к миске рука женская потянулась. Схватил тогда Илья топор, словом тайным заговорённый, и рубанул от плеча по ней. Взвыл ветер за окном, задёргалась рука страшная и исчезла, как не было её. Тогда дедушка Иванушки встал из-за стола и повёл Илью в другую комнату, дал ему в руки свечку, из воска сделанную, и приказал обойти вокруг все стены, слова особые приговаривая. Шёл Илюша, а свечка дрожала и коптила. Двери за ним закрывались и хлопали, но он шёл от стены к стене, обходил все комнаты. И когда трижды он обошёл всю избу, свечка весело заиграла большим пламенем, вдруг стало светло и тепло. Поднялись старцы из-за стола и сказали, что всё закончилось, и нет больше ведьмы. Так и стал Илья ходить по деревням-городам, да ведьм гонять отовсюду.

Андрей очнулся так же внезапно, как и погрузился в своё необычное состояние. Мы с женой смотрели на него ошарашенными глазами и ничего не могли сказать. Он же вдруг вскочил с места и сказал, что сейчас нам нужно прощаться, пожал мне руку, пожелал удачи, его девушка всё так же молча улыбнулась. Я повернулся в сторону Спаса-на-Крови, где, как мне показалось, что-то ярко вспыхнуло, понял, что изрядно стемнело, обернулся назад, но Андрея с его спутницей уже не было – они как сквозь землю провалились.

Да, странное оно, это Марсово поле. Вообще, о том, что место это гиблое, что водится тут всякая нечисть, люди знали давно. Говорят, суеверная Екатерина I жутко боялась даже находиться в этих окрестностях из-за русалок и прочей пакости. А когда без её ведома здесь построили дворец, она зареклась появляться в нём. Даже после революции люди старались обходить его стороной, особенно ночью. Рассказывали, что здесь пропадали люди – ссылались на тех же русалок, которые зазывали, а потом топили несчастных путников в Неве. А вот история тридцатых годов прошлого века до сих пор вызывает у многих ужас. В психиатрическую клинику доставили одного рабочего по фамилии, кажется, Патрубков. Увезли его прямо с территории Марсова поля в состоянии панического страха. Лечиться ему пришлось недолго – мужчина через несколько дней скончался от заражения крови. Но перед этим он всё же рассказал свою историю. Вечером после работы этот товарищ решил расслабиться и выпить немного, подобрав укромное место в тени деревьев. Но, когда сел и только отхлебнул, увидел возле себя странного

мальчишку. Патрубков с ужасом рассказывал про синюшный цвет распухшего лица, тусклые запавшие глаза и жуткую вонь, исходившую от мальчика. Когда рабочий попытался оттолкнуть его, тот открыл нереально огромный рот, укусил его за палец и... рассыпался вонючим прахом на землю. Дежурный врач говорил про алкогольный психоз, вот только не мог объяснить след от укуса и отсутствие длительного запоя. Ну, от укуса работяга и скончался.

А мне же вот такое довелось здесь повидать. И что это было? Действительно искренне желавший помочь экстрасенс? Или, может, доброжелательная нечисть ингерманландских болот? И что это за былинно-сказочное описание моей истории? Откуда он знает имя моей матери и дядьки, откуда знает про ведьму? И ведь какая-то доля пророчества, что ли, была... Как там он сказал, «оборотень-колдун»? «Может отомстить»? Значит, выходит, она меня боится? Пусть не сейчас, пусть меня в дальнейшем, но боится. А раз так, то зачем тогда она рассказывала про отца и про венец? Или же она настолько в себе уверена, что просто потешалась надо мной? Нет уж, как-то это всё глупо и по-детски сказочно. Это только в крутом кино всё так красиво и пафосно. Наверняка должно быть более правдоподобное объяснение. Хотя... о чём это я, когда дома чёрти что творится, рядом появляются те, кого все кругом считают ведьмами, а потом на встречу со мной приходит непонятно кто с мистическими замашками?

23 октября, четверг

То ли незнакомец и впрямь оказался тем, за кого себя выдавал, то ли не могло всё так долго продолжаться, но вот уже несколько дней у нас спокойно в квартире, даже шагов и скрипов не слышно по ночам, да и кот не таращится в углы. Разве что с женой никак не ладится – мы с каждым днём меньше общаемся, как-то нервно всё. На удивление, её проблемы с почками закончились. Нет, конечно, не мгновенно, но после той встречи она чувствовала себя всё лучше и лучше, а сейчас и вовсе на здоровье не жалуется. Тем не менее, мы каждый раз находим новый повод для ссоры. Удивительно, как вообще бывает. Вот ведь жили несколько лет вместе, понимали друг друга с полуслова, поддерживали в любых ситуациях, проводили много времени вместе – да что там, нас тянуло со сверхъестественной силой, мы и пары дней не могли провести врознь. И впрямь, влюбились по полной. А потом сказка кончилась. Провели тысячу ночей вместе, а на тысячу первую что-то пошло не так: мы стали видеть друг в друге какие-то недостатки, и их становилось всё больше и больше, общих тем для разговоров же, наоборот, – только меньше. Начали появляться попытки друг друга менять, перестраивать, но сами при этом не поддавались изменениям, и тогда начались вечные упрёки, через какое-то время дополнившиеся скандалами вперемешку с игрой в молчанку. И сами ссоры перешли на другой уровень. Раньше они проходили порой забавно, из серии:

– Я с тобой не разговариваю. Я обиделась.

– На что?

– Не помню!

А вот теперь у нас порой доходит до оскорблений, взаимных забрасываний друг друга всяким дерьмом, поливаний грязью друзей друг друга прочей гадости. Ситуация накалена настолько, что, кажется, вот-вот между нами что-то взорвётся, разве что посуду не бьём пока.

Сегодня вот она, к примеру, решила остаться ночевать у мамы. Да, это стереотипно, это даже было бы смешно, если б не было так грустно. В конце концов, может, нам и в самом деле нужно дистанцироваться друг от друга и пожить отдельно? А сейчас она ненавидит меня, старается как-то постоянно уколоть. Чтоб далеко не ходить, сегодняшней пример. Вернулся я с работы, дома никого нет, кроме кота, а в комнате книга, которую читаю в последнее время вечерами, томик Довлатова, валяется посреди комнаты в раскрытом виде и с мятыми страницами. Да, самое нелепое обвинение за последнее время – я стал циничной сволочью из-за чтения Довлатова. Вот теперь, значит, будем книжками разбрасываться. Ну ладно, что ж, может, всё-таки переберёмся. А я, пожалуй, поддержу идею пожить порознь – думаю, перед сном

соберу вещи в сумки, если найду, куда переехать на днях, ну или если кто из друзей согласится приютить на продолжительное время.

31 октября, пятница

Наверное, рано я порадовался окончанию приключений. Сегодня по возвращении с работы мне какое-то время пришлось провозиться с замком. Такое бывает, если входную дверь закрывать изнутри. Наши замки, такие как «Китеж», имеют особенность неполных оборотов, так что, если, к примеру, не повернуть на нужные десять градусов механизм, закрывая дверь изнутри, снаружи ключ уже не вставить до конца. Не знаю, это руки такие кривые у разработчиков замков или же специально придуманная защита от взломщиков, но проблем в быту это добавляет. За пару лет я привык и к такому, правда, времени чуть больше процесс открывания двери занимает, а когда организму хочется попасть в одну из комнат поскорее, наряду с тратой времени появляется и трата нервов.

Ну раз с дверью замешкался, то дома кто-то есть. Обычно в это время жена ещё на работе, но, мало ли, может раньше уехала и решила поговорить. Надеюсь, она одна, а то тётчи мне не хватало сейчас. Не то что бы мы с ней были в плохих отношениях, нет, она мне почти стала второй мамой, частенько помогает и поддерживает, но её дочь – это её дочь, а родители ведь всегда на стороне своих родных детей, что бы ни случилось. И уж если кто обидит ребёнка, тот мгновенно становится врагом народа номер один. Так что в текущей ситуации этой встречи мне хотелось меньше всего. Я вошёл в прихожую и крикнул: «Привет! Ты уже дома? У нас гости?». В ответ раздалось бряцанье посуды на кухне, но ни слова я не услышал. Что ж, значит, всё ещё не разговариваем.

Я щёлкнул клавишу выключателя в прихожей и остолбенел. Сказать, что в квартире был погром – ничего не сказать. У входной двери валялись куски корзины, в которой лежали расчёски, заколки и прочая женская приблуда, а само содержимое было раскидано по всей прихожей. Вход в спальню преграждала подушка. Я, не разуваясь, поскольку боялся порезаться осколками стекла на полу, направился туда. Мои сумки, тяжёлые баулы, собранные с вечера, оказались разбросанными по комнате, всё постельное бельё в каком-то безумстве было раскидано по полу, что-то торчало из раскрытых дверей шкафов, что-то свисало с телевизора, но только не находилось на кровати. В щель паркета была воткнута бретта, её эфес ещё покачивался, а тренировочный кинжал всё так же, как и прежде висел на стене. Я снял его, а затем аккуратно открыл ящик комода и достал камеру, чтобы всё это заснять. В голову закралась тайная мысль – а вдруг это сон, правдоподобный, жуткий сон? Если завтра видео у меня не окажется, значит, всё приснилось, а если будет, то... Я достал мобильник и позвонил Лёшке, жившему в соседнем доме, сказав, что мне срочно нужна его помощь.словно герой дешёвого ужастика, вооружившись камерой и кинжалом, подаренным учителем фехтования, я пошёл осматривать всю квартиру. Ванная и туалет почти не пострадали, на кухонном столе валялась недопитая бутылка «Black Label», несколько стаканов, точнее их осколков, усыпали пол кухни и прихожей. Кот сидел на подоконнике, вжавшись в окно – его миски тоже оказались раскиданы по кухне. Корм же был рассыпан по столешнице у плиты, словно дешёвые сухарики в студенческом общежитии. Холодильник потёк, оставив внушительную лужу на полу, несмотря на закрытые дверцы. Я прошёл в гостиную. Ей досталось меньше, но буянивший здесь проявил творческий подход. При входе оказались домашние тапочки, а рядом с ними – пара подушек, сброшенных с дивана. Перевернутый кухонный стул упирался ножками в стену. Пепельница, обычно стоявшая на письменном столе, находилась всё там же, только в опрокинутом виде, а все окурки были внутри. По обоям растекалась «Coca-Cola», оставленная женой несколько дней назад в стакане и уже заплесневевшая. Кстати, плесень зелёным пятном прилипла к обоям. Причудливым узором на ковре разместилась композиция из цветных карандашей, свечек и иконы. На диване, кресле и, конечно же, на полу валялись книги, вынутые

с верхних полок. Удивлял больше не сам факт вразнобой вынутых из плотных высоко стоящих рядов книг, а их выбор: «Влюблённый дьявол» Жака Казота, собрание сочинений Гоголя, какой-то ведический травник и в центре всего этого в раскрытом виде был оставлен томик М. А. Булгакова – черновики к роману «Мастер и Маргарита», книжка называлась «Князь Тьмы». Я поднял книгу и расправил загнутую страницу на главе «Седьмое доказательство».

Было ясно, что в квартире никого больше нет. Лёшка ещё не пришёл, и я решил позвонить жене.

– Привет. Ты где?

– На работе, а где мне ещё быть?! – на фоне слышался шелест бумаги и трещание принтеров, – тебе чего надо?

– Ты дома сегодня была?

– Я же сказала, что остаюсь у мамы.

– Понятно. У нас дома погром.

– Опять? Как кот? Я его приеду заберу!

– Ну, не опять... такого не было. Ощущение, что кто-то отменно порезвился в квартире. Тут всё перевёрнуто. И, кстати, маму можешь не напрягать – я уже собрал вещи и съезжаю.

– Ага... Ну молодец, – она саркастично хмыкнула и повесила трубку.

Оставалась мысль, что это всё же она приезжала в моё отсутствие и дала выход своим эмоциям, хорошенько попсиховала. Но верил я в это с трудом. Правда, мог быть и ещё один вариант. Я быстро проверил все ящики – деньги и ценности оказались на месте, вся бытовая техника тоже. Значит, не взломщик. Эх, жаль, нет скрытой камеры дома... Хотя... ведь в каждом старом доме есть с ещё с совковых времён свои, конечно, не камеры, но крайне чуткие органы слежения – бабушки советской закалки, ВОХРы, те старушки, которые всегда знают, к кому, когда и сколько гостей приходит, ссорится ли молодая пара, знают, когда уезжает и возвращается из командировки муж у соседки сверху, сколько детей у соседа снизу, когда дни рождения у соседей на её этаже, а ещё готовы вспомнить имена, фамилии, отчества и прозвища чуть ли не всех знакомых, правда, могут забыть, куда положили ключи от квартиры или когда поставили чайник. Но зато они прекрасно помнят время начала всех передач по НТВ и сериалов по «второму каналу». Я вышел в подъезд и позвонил в дверь рядом. Из квартиры послышались шоркающие шаги, зазвенели цепочки и защёлки, тишина, сопение, затем дверь медленно приоткрылась.

– Саа... – соседку Светлану Михайловну мы про себя иначе как Сатанея Михайловна не называли, – Светлана Михайловна, здравствуйте!

– Здравствуйтесь, – вежливая пожилая ленинградка быстрыми острыми глазками осматривала подъезд.

– Мне тут помощь нужна. Кажется, у нас квартиру взломали сегодня. Вы, случайно, ничего не слышали? Может, какие-то странные звуки? Может, приходил кто-то?

– Как взломали? – она оживилась и немного выдвинулась вперёд, – что украли? Негодяи! Вы милицию вызвали?

– Ну... мне кажется, что взломали – в замке будто кто-то ковырялся. Но дома, вроде, ничего не забрали. Светлана Михайловна, – я повторил с небольшим нажимом, – скажите, пожалуйста, вы не слышали, никто сегодня не приходил? Может, Арина... она у меня, знаете ли, по растерянности иногда может не тем ключом долго проковыряться.

– Никого не было! Жена ж у тебя вчера уехала! А вы поссо-о-орились... Жаль, такая пара, такие ребята хорошие. Чего это вдруг-то, а? Ведь жили же душа в душу...

– Вы ж знаете, милые бранятся – только тешатся. Светлана Михайловна, значит, ничего необычного не слышали? Точно?

– Да точно! Точно! Что ж я, по-вашему, слежу тут за всеми?! – обиженная старушка ещё раз оглядела подъезд и резко захлопнула передо мной свою дверь.

Пришлось вернуться домой и начать убирать последствия погрома. Минут через пять пришёл Лёха и, негромко ругнувшись: «Твою ж медь!», взялся за веник и стал мне помогать. Вкратце я ему рассказал, что произошло. Он внимательно выслушал и после продолжительной паузы заключил, что это жена устроила спектакль, мол, пришла домой, увидела мои сумки и психанула. Мне было бы, наверное, легче принять такой вариант. Но не верилось как-то, особенно, после того, что я видел раньше в этой квартире.

Примерно через час, когда большую часть бардака мне удалось убрать, мусор был сметён со стёклами в мешки, а друг, сославшись на дела, ушёл, в замочной скважине послышался скрежет, и кот побежал встречать любимую хозяйку. Она прошла в спальню, скинула с себя верхнюю одежду, негромко хмыкнула, вероятно, увидев собранные вещи, прошла на кухню, молча достала из верхнего шкафчика стакан, а из сумки бутылочку «Coca-Cola», налила себе, села на стул, отпила и только потом тихо спросила: «Что произошло?». Я ей пересказал всё в красках, временами прерывая уборку, чтобы жестикулировать, а затем достал камеру и показал видео. Она сидела, поглаживая кота, уютно устроившегося у неё на коленях, и раз за разом пересматривала запись, а потом вдруг сказала: «Как же меня всё это достало! Как это бесит!». Затем последовали обвинения, приправленные отборным русским матом, в том, что эта чертовщина происходит из-за меня, что этот хвост тянется постоянно за мной, и, если бы не я, то она жила бы себе спокойно и никакого геморроя бы у неё не было. Она говорила и говорила, повышая тон и временами переходя на слёзные упрёки, её было уже не остановить – плотину прорвало, лавина уже обрушилась, я чувствовал, что девятый вал неминуем и что будет он уже скоро. Она сыпала колкими фразами, а я слушал молча, понимая, что ответить нечего. В заключении, уже чуть ли не рыдая, срываясь в крик, когда-то любимая мной девушка обвинила меня в том, что сейчас я веду себя как тряпка, а не мужчина, что бегу крысой и оставляю её одну среди этого дерьма.

– Я не хочу тебя больше видеть! Проваливай отсюда! Ненавижу! Не-на-вижуууу! – она уткнулась в ладони, её плечи затряслись, и она зарыдала.

Несколько минут я стоял и смотрел на этот спектакль, затем постарался как-то успокоить, прекратить женскую истерику, но в ответ лишь услышал новую порцию ругани. Арина поднялась и тяжёлым топающим шагом прошла в спальню, выволокла оттуда одну из моих сумок ко входной двери, повернула замок и, уткнувшись в пол, процедила сквозь зубы: «Вон! Вали! И чтоб тебя больше не было здесь!». Оставлять её в таком состоянии мне не хотелось, но на любые мои попытки, какие-либо действия в её сторону, она начинала отбиваться, дёргаться и реветь ещё сильнее, как обиженный ребёнок. Я надел куртку, обулся, взял сумку и открыл дверь.

– Завтра днём заеду за остальными вещами. Извини, что...

– Проваливай, – всхлипывая, повторила она.

И я вышел. На улице моросил мелкий дождь, ветер привычно качал фонари и провода, по дороге гроыхал старый трамвай, несколько человек жались от холода под козырьком автобусной остановки, машины с шумом рассекали глубокие лужи, а я стоял в промокших ботинках и рассеянно смотрел в пустоту. Нужно было куда-то идти, где-то переночевать, отдохнуть, чтобы потом понять, как быть дальше, а лучше бы даже выпить, но не было сил ни на что. Через какое-то время, собравшись с силами, я достал телефон и позвонил в очередной раз за сегодня Лёшке, спросил, можно ли у него переночевать, и, зайдя в соседний ларёк за бутылкой «Белой берёзки», отправился к другу.

30 ноября, воскресенье

Почти четыре недели поисков, бесконечные поездки, просмотры и общение с риелторами наконец окончились, позволив мне сменить соседство с верным товарищем на тишину в старенькой однушке на окраине города. Казалось бы, кругом столько людей, ищущих арен-

даторов, столько ресурсов в интернете, но найти скромную квартирку не так-то легко. Одни агенты норовят накрутить цену, другие – тянут время, чтобы клиент, отчаявшись, согласился бы на более дорогое жильё. А попадаются и агентства-однодневки, берущие небольшую плату до заключения сделки за обещание клиенту встречи с хозяином подходящей квартиры, на деле же оформляя договор услуг информирования, который мало кто читает. В результате на встречу никто не приходит, клиент остаётся без денег, без жилья и с сообщением на телефоне о том, что квартиру уже сдали. Стандартный развод по-питерски. И вот я всё же миновал эти круги ада, переехав в новые стены. Позже, когда скоплю денег для покупки собственной квартиры, мне, несомненно, предстоит вновь столкнуться со всем этим в ещё большем формате, но пока можно отдохнуть.

Переехал я быстро, осталось только забрать книги и кое-что из крупных вещей, за которыми до сих пор так и не заехал. Через неделю после моего ухода жена позвонила и стальным голосом попросила развода, а ещё через неделю мы подали документы. Так что, дней через десять встретимся с ней в ЗАГСе, а потом, видимо, я и заеду за остатками вещей.

Зима пришла рано, и противный снег с дождём стал нагнетать тоску ещё больше. С момента переезда я каждый день пью. Возвращаюсь с работы, сажусь в кресло, накрываю очередной газетой из почтового ящика табуретку, достаю привычную бутылку ливизовской и пью, уставившись в кино на экране телевизора или ноутбука. Комната прокурена насквозь, но мне плевать. Ощущение, словно что-то оторвали, отрезали, ампутировали часть тела. Мы жили вместе продолжительное время, а теперь этого нет. И на душе паршиво, мерзко от собственной слабости, а оттого больше хочется пить. Друзья говорят, она сейчас сидит на антидепрессантах и жалуется, будто я захожу временами к ней домой, хотя такое бы мне даже и в голову не пришло, да и ключи от той квартиры я почти сразу передал через Аньку, её подругу. Правда, может, там продолжается всё та же чертовщина. По крайней мере, от меня эта гадость не отстала – даже здесь шаги по комнате и кухне звучат каждую ночь, кран в ванной живёт своей жизнью, устраивая ночные капли, а к произвольно мигающей и гаснущей лампочке на кухне я уже привык, даже начал разговаривать с ней. Возможно, это крыша едет, но мне всё равно. Прежний страх почти пропал. Вообще. Взять хотя бы прошлую пятницу.

Закончив работу, мы с напарником привычно достали из кабинета Петра Ефимыча припрятанную баклажку. Вообще, каждый месяц к нам на ТЭЦ заезжает автоцистерна с завода «Ливиз», и со всех цехов мужики бегут к ней со своими бутылками и пятилитровыми канистрами. Цена смешная, всего полтинник за литр, это при том, что сейчас установили минималку в семьдесят рублей за пол-литра. Говорят, завод опять пытаются обанкротить, мужикам там давно нормально не платят, постоянно задерживают зарплату, вот они, видимо, и крутятся по-своему. Ну а наши и рады, набирают огромными объёмами – всё равно потом пригодится – выпить ли самим, обменять ли на сырьё или инструменты для левака или же сохранить на грядущий праздник. Вот мы и достали свою значку. Вовка разлил по пластиковым стаканчикам, и мы разом выпили. Без всяких тостов и лишних слов. День был тяжёлый, рабочая неделя закончилась, вот и сели расслабиться. Из закуски оставались лишь на дне банки несколько солёных огурцов, но нас это не смущало. Разговор менял тему чуть ли не ежеминутно, и где-то через полчаса Вовка вдруг сказал:

– А, знаешь, я стрелять люблю!

Я крикнул, опрокинув очередные 50 г.

– Этой осенью каждые выходные оружие из рук не выпускал. Знаешь, это обалденное чувство, когда держишь в руках ствол, когда выбираешь цель, медленно наводишь... – он пристально посмотрел мне в глаза и добавил, – не, серьёзно! сейчас, погоди.

Недолго пошарив у себя в сумке, мой напарник, икая, достал револьвер и какую-то зелёную корочку.

– Во, смотри! – он ткнул мне в нос бумажкой, – охотничий билет. Ви-ик-идишь?

– Ну и? Не думал, что ты заядлый охотник. Ну а какого лешего ты таскаешь с собой оружие? У тебя разрешение на ношение-то есть?

– Да ты что, ик! – дурак? Это и есть главное разрешение! С билетом и хранить, и носить можно. И стрелять, конечно. Эх, ты... А теперь гля-и-ди, – Вовка, продолжая икать, вставил в барабан пару патронов, вытянул руку и направил ствол на горевший перед нами фонарь. – Спорим, попаду?

– Да верю, верю...

– Э... – покосился он на меня, – не вери-и-ишь ты, брат. А я тебе докажу!

И он выстрелил. Первая пуля отрезала куда-то от щита на стене, а вторая попала в цель, и в цеху стало темнее.

– На, поддержи, – он сунул мне в руки увесистое оружие и гордо добавил, – «Смит и Вессон 500». С таки-и-им и медведь не страшен. Ну что, попробуй! Да не бойся! Что, не хочешь?

Видно было, что Вовка завёлся – лицо ещё сильнее побагровело и глаза загорелись каким-то дьявольским огнём. Наконец он перестал икать.

– Ты мужик? А? Давай проверим!

Я смотрел на него, не понимая, что взбрело в эту пьяную голову. Вовка достал картонную коробку, открыл её, взял один патрон и покрутил его у меня перед носом – мол, вон, гляди, какой красавец. Затем он вынул барабан из револьвера, аккуратно вставил пулю и, хитро улыбнувшись, быстрым движением руки вернул барабан на место, одновременно заставив его несколько раз прокрутиться, потом взвёл курок и предложил:

– А давай сыграем в русскую рулетку, а? – Вовка приставил дуло к моему левому виску, прикосновение холодного металла вызвало необычные эмоции, напарник как-то жутко улыбался, – или ты боишься? А... боишься, да... страшно? Что, мужик или нет, а? Ну, давай, давай, чего ты? Ну?!

Странное ощущение рождалось в груди, сердце заколотилось быстрее, я почувствовал дрожь в руках, на лбу выступил холодный пот, захотелось прекратить эту дурацкую клоунату, и я подумал, что надо бы потянуться рукой к револьверу и отвести его в сторону, но с другой стороны было как-то всё равно. В голове пронеслось: «Будь как будет. Может, так оно и лучше. Достало уже всё...». В этот момент раздался шелчок – Вовка спустил курок. Ничего не произошло, оружие не выстрелило, но я зажмурил глаза и поморщился. По спине пробежали мурашки. Хотелось громко выругаться, но в горле пересохло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.